

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГЕ

ВЫПУСК VIII

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1969

В. В. Струве

Н. С. Петровский

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СТРУВЕ ¹

15 сентября 1965 г. скончался академик В. В. Струве — отечественное и мировое востоковедение понесло неизгладимую утрату.

Василий Васильевич был замечательным ученым и человеком. Нет сомнения, что его жизнь, развитие характера и интересов, этапы научной деятельности, результаты научного творчества, присущая ему логика мышления должны быть предметом специального исследования.

В небольшой статье невозможно не только разрешить все эти вопросы, но даже указать на многие из них. И если мы осмеливаемся выступить с таким сообщением, то только потому, что пользуемся возможностью выразить любовь и признательность своему учителю и, кроме того, надеемся, что подобные работы помогут будущему биографу В. В. Струве успешнее справиться с его задачей.

Василий Васильевич Струве родился 21 января (по старому стилю) 1889 г. в Петербурге в семье экономиста-статистика В. О. Струве, внука выдающегося астронома, основателя Пулковской обсерватории В. Я. Струве. Со стороны матери Василий Васильевич был внуком известного русского химика Карла Клауса, который, между прочим, прославился тем, что открыл элемент рутений («русский»).

В 1907 г. В. В. Струве блестяще окончил гимназию. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на одну важную деталь: великолепное знание древнегреческого и латинского языков, которое, по словам самого Василия Васильевича, он получил в основном в гимназии.

В том же, 1907 г. В. В. Струве поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Он на всю жизнь сохранил самые добрые воспоминания о своих многочисленных учителях, но, разумеется, среди них прежде всего называл замечательного русского ученого, создателя отечественной школы историков древнего Востока, «отца русской египтологии» акад. Б. А. Тураева.

От своего руководителя В. В. Струве не только приобрел знание древнеегипетских языков и видов древнеегипетской письменности, но и унаследовал необычайно широкий интерес к истории, языкам и культуре многочисленных народов древнего Востока. К началу своей научно-педагогической деятельности Василий Васильевич прекрасно знал классические языки и овладел древнеегипетскими и коптскими языками. Эта основательная филологическая база в совокупности с интересом к историко-экономическим вопросам дала возможность молодому ученому познакомиться с огромным кругом источников, охватывающим историю

¹ Полная библиография трудов В. В. Струве приведена в сб. «Академик В. В. Струве. Библиографическая справка», М., 1959, и «Древний Египет и древняя Африка», М., 1967.

древнего Египта на протяжении трех тысяч лет — вплоть до греко-римского и христианского периодов.

После окончания университета в 1911 г. Василий Васильевич был «оставлен при университете для приготовления к преподавательской и профессорской деятельности» на два года (с 1 сентября 1911 г. по 1 сентября 1913 г.). Эти годы и явились началом творческой деятельности Василия Васильевича.

В первых его работах («Коптский папирус из коллекции проф. Тураева»², «К истории Апокрифа»³, «Петербургские сфинксы»⁴), блестящих по форме и содержанию, сразу же выявились те основные качества Василия Васильевича как ученого, которые и привели его к вершинам востоковедческой науки. К ним следует отнести строго научный анализ исторических источников, не менее тщательный синтез наблюдений, интерес к социально-экономическим проблемам (в частности, к истории непосредственных производителей материальных благ) и, наконец, стремление к публикации новых источников, что непосредственно вытекало из его хорошей филологической подготовки и склонности к филологическим и палеографическим исследованиям.

В начале 1914 г. Василий Васильевич был послан Петербургским университетом в годовую научную командировку в Берлинский университет для дальнейшего усовершенствования в области египтологии под руководством выдающегося филолога и основателя немецкой египтологической школы акад. А. Эрмана. Это важное событие необходимо оценить в должной мере. В конце прошлого столетия центр египтологии как филолого-исторической науки переместился в Германию. Сам Б. А. Тураев был одним из любимых учеников основателя новой школы А. Эрмана. Естественно, что и своего талантливой ученика он хотел приобщить к достижениям этой школы. К сожалению, Василий Васильевич пробыл в Берлинском университете всего несколько месяцев: 14 июля 1914 г. он уже возвратился в Петроград, так как началась первая мировая война.

Тем не менее кратковременное пребывание в школе А. Эрмана оказалось полезным для дальнейшей деятельности В. В. Струве, который ознакомился с достижениями передовой в то время европейской египтологической школы. С этого времени Василий Васильевич мог продолжать лучшие традиции не только отечественной, но и мировой востоковедческой науки.

Хотелось бы рассказать об одном важном событии в личной жизни Василия Васильевича, которое произошло в конце июля 1914 г. и, без сомнения, способствовало дальнейшей работе и творческим успехам Василия Васильевича: 31 июля Мария Леонидовна Богородская стала женой Василия Васильевича. Мария Леонидовна — добрый гений Василия Васильевича и всей семьи — более полу столетия создавала вокруг Василия Васильевича атмосферу любви и душевного покоя, столь необходимого для научной работы.

После возвращения из-за границы в 1915—1916 гг. В. В. Струве читает лекции в университете и занимается научно-исследовательской деятельностью в отделе Востока Эрмитажа. В 1916 г. Василий Васильевич уже приват-доцент Петроградского университета. Работы Василия Васильевича, написанные в 1914—1916 гг., посвящены в основном социально-экономическим проблемам птолемеевского Египта.

² «Христианский Восток», I, вып. 2, СПб., 1912, стр. 207—211.

³ ЖМНП, новая серия, 1913, ч. 48, отд. классической филологии, стр. 499—511.

⁴ Записки Восточного отдела Русского археологического общества, 1913, стр. 20—51.

Период с 1912 до 1917 г. можно считать первым, начальным этапом научного творчества В. В. Струве. В этот период формируются общие научные интересы Василия Васильевича, происходит его становление как египтолога и выявляются его выдающиеся научные и педагогические способности. Но лишь после Великой Октябрьской социалистической революции научные интересы и способности В. В. Струве могли раскрыться в полной мере.

Огромное впечатление на него произвели организованность и революционный порыв героев Октября, их бережное отношение к сокровищам мировой культуры.

Исторические события Октября 1917 г. пробудили у В. В. Струве интерес к изучению революционных выступлений народных масс в странах древнего Востока. В противоположность некоторым буржуазным ученым, которые считали, что в этих странах господствует «классовый мир», В. В. Струве показал, что классовая борьба в этих обществах, так же как и в других обществах, разделенных на враждебные классы, принимала иногда весьма бурные формы. Доказательством этого послужило изучение древнеегипетского материала. В 1917 г. В. В. Струве пришел к выводу, что так называемое «Речение Ипувера» (Лейденский папирус, № 344) отражает реальные события и свидетельствует о борьбе низов общества против верхов в конце Среднего царства (ок. 1750 г. до н. э.). А в 1919 г. он впервые привлек к изучению того же события другой источник — папирус Государственного Эрмитажа № 1116 В recto, на котором начертано «Пророчество Неферти». В. В. Струве явился зачинателем изучения классовой борьбы и ее форм на древнем Востоке.

Василию Васильевичу было присуще еще одно замечательное качество: постоянное стремление расширять и пополнять свои знания. Постоянно он углублял свои знания общетеоретического характера и стремился овладеть все новыми языками древних народов Передней Азии, Двуречья, Малой Азии.

Уже будучи зрелым ученым — классиком и египтологом — В. В. Струве под руководством другого своего учителя, акад. П. К. Коковцова, в 1919 г. стал изучать древнееврейский, финикийский, арамейский, аккадский (вавилонно-ассирийский) языки, а затем самостоятельно все клинописные языки: хеттский, древнеперсидский, урартский и, несмотря на негативное отношение П. К. Коковцова к существованию шумерского языка, специально занялся его изучением.

В трудах основоположников научного коммунизма он почерпнул строго научную теорию, которая в хаосе отдельных явлений и случайностей вскрыла общие закономерности исторического процесса. Неизбежно встал вопрос и о месте народов древнего Востока в развитии человечества. Ответ на этот вопрос не был легким. Среди буржуазных и некоторых советских ученых господствовал взгляд, поддерживаемый авторитетом крупнейшего немецкого историка древности Эдуарда Мейера, о феодальном характере древневосточных обществ. Политической подоплекой этих взглядов было утверждение «извечного феодализма» на Востоке, застойности Востока, качественного отличия общественно-политических формаций Востока от формаций обществ Запада, неспособности народов Востока к самостоятельному развитию, оправдание колониализма и неоколониализма.

В распоряжении египтологов в то время, к сожалению, не было документов, которые позволили бы с достоверностью судить о способе производства материальных благ и о правовом положении производителей этих благ. Именно поэтому Василий Васильевич обратился к изу-

чению содержания бесчисленного числа документов хозяйственной отчетности, дошедших на глиняных табличках из Двуречья.

Мы видим, таким образом, что занятия вавилоно-ассирийским и шумерским языками не были случайными и были вызваны совершенно определенными научными стремлениями. Однако хотелось бы отметить, что, несмотря на неоспоримые успехи Василия Васильевича в области шумерологии, душой Василия Васильевича, как он говорил сам, была египтология. Для него история древнего Египта и достижения древнеегипетского народа навсегда остались «первой любовью» в науке.

В 20-е годы и в начале 30-х годов Василий Васильевич, продолжая проникать в тайны клинописных языков и глиняных табличек, еще более плодотворно, чем в начальный период своего творчества, работает над древнеегипетским материалом. Результатом этого было не только изучение указанных выше источников о народных выступлениях в Египте, но и опубликование не менее 40 ценнейших работ по истории, хронологии, историографии, религии, культуре древнего Египта.

Среди этих работ особое место занимают два труда.

В 1928—1930 г. Василий Васильевич опубликовал две части своей работы «Манефон и его время»⁵, в которой исследовал все, что в передаче Иосифа Флавия и раннехристианских писателей дошло от труда Манефона, построенного на египетском материале, и восстановил хронологическую систему Манефона, сопоставив его списки царей с древнеегипетскими царскими списками. Этот выдающийся труд Василий Васильевич со свойственной ему скромностью считал своей кандидатской диссертацией.

Другую работу, получившую всемирную известность, Василий Васильевич рассматривал как докторскую диссертацию. Мы имеем в виду блестящее исследование древнеегипетского математического папируса из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (*Matematischer Papyrus des staatlichen Museum der schönen Künste in Moskau, Berlin, 1930*). В этом капитальном труде, увидевшем свет в 1930 г., тщательно исследована каждая задача с привлечением всего доступного материала и сделаны интересные выводы о достижениях математической мысли древних египтян, в частности о том, что в области геометрии египтяне были учителями греков.

В связи с этим следует отметить еще одну замечательную черту В. В. Струве, заключающуюся в том, что в течение всей своей научной деятельности он проникал в новые области познания, которые зарождались на стыках классических научных дисциплин. Известный английский египтолог и историк математики Т. Питт — главный оппонент Василия Васильевича — в рецензии на книгу В. В. Струве не мог не написать: «Египтологи, равно как и математики, имеют все основания быть благодарными Струве, посвятившему несколько лет своей жизни публикации этого папируса».

Период с 1917 до 1930 г., который завершается выходом в свет книги по истории древнеегипетской математики, можно считать вторым этапом научного творчества В. В. Струве. В этот период Василий Васильевич предстает как ученый-египтолог мирового масштаба с вполне сложившимися взглядами и, благодаря многолетним занятиям историей и языками многих других народов древнего Востока, как историк древнего Востока.

С начала 30-х годов начинается третий период научного творчества,

⁵ Гл. I, — «Записки Коллегии востоковедов», III, вып. 1, 1928, стр. 109—185; гл. II — там же, IV, 1930, стр. 159—284.

который продолжался до кончины ученого. В это время В. В. Струве, опираясь на марксистско-ленинское учение об обществе и законах его развития, путем математически точного анализа древневосточных памятников, особенно многочисленных документов хозяйственной отчетности эпохи III династии Ура в Шумере (XXII—XXI вв. до н. э.), первый из советских историков с успехом исследовал широкий круг социальных проблем стран древнего Востока.

В. В. Струве сравнительно легко опроверг мнение буржуазных и некоторых наших историков о феодальном характере древневосточных обществ. Сложнее было определить, какой же характер носил общественный строй стран древнего Востока. К. Маркс, учитывая специфику развития этих стран, способ производства в них называл «азиатским способом производства». В. В. Струве пришел к выводу, что строй древневосточных обществ можно охарактеризовать как первую ступень рабовладельческой общественно-экономической формации. В процессе исследования этой проблемы В. В. Струве опубликовал ряд важных работ («Рабовладельческая латифундия в Сумире III дин. Ура»⁶; «Проблема зарождения, развития и разложения обществ древнего Востока»⁷ и многие другие).

Главнейшие выводы по социально-экономическим проблемам были изложены В. В. Струве в первом марксистском учебном пособии по истории древнего Востока («История древнего мира», изд. 1, 1936; «История древнего Востока», изд. 2, 1941). Не будет преувеличением сказать, что открытия В. В. Струве в области социально-экономической истории древнего Востока могли бы явиться единственным и достаточным результатом творчества любого ученого. Однако заслуги В. В. Струве, автора около 400 научных работ, этим не ограничиваются. Так как в небольшой статье невозможно перечислить все темы, которые явились предметом исследований ученого, приходится ограничиться попыткой объединить все темы в 10 основных проблем, имея в виду, разумеется, что число их можно значительно увеличить: публикации памятников письменности и культуры народов древнего Востока; проблемы истории античности; изучение вопросов хронологии древнего Востока; изучение правовых и законодательных документов древневосточных обществ; уровень естественнонаучных представлений народов древнего Востока; история религии и критика Библии; исследования по грамматическим вопросам древневосточных языков; происхождение алфавита и дешифровка некоторых видов письменности; исследования по истории народов СССР; история русского и зарубежного востоковедения.

Даже простой перечень проблем, исследованных В. В. Струве, свидетельствует о колоссальном вкладе его во многие отрасли древневосточной науки.

Тонкий и искусный специалист в области языков, эпиграфики и палеографии, В. В. Струве открыл для широких научных кругов ряд памятников, хранящихся в музеях Советского Союза. Мы уже говорили о значении издания Московского математического папируса. К этому следует добавить, что до последних дней Василий Васильевич работал над вторым изданием своей книги.

Не менее 10 работ В. В. Струве посвятил публикациям древнеегипетских памятников Государственного Эрмитажа. Им введены в научный обиход стела Харемхеба, некоторые печати и острака.

⁶ В кн.: «С. Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности», Л., 1934, стр. 495—507.

⁷ «Известия ГАИМК», вып. 77, 1934, стр. 32—111, 157—181.

В последние годы В. В. Струве занимался исследованиями демотических папирусов из собраний Советского Союза. На XXIII Международный конгресс востоковедов в Кембридже и на X Международный конгресс историков в Риме им были представлены доклады о демотических папирусах делового характера времени птолемеевского Египта. Следует отметить, что до В. В. Струве в нашей стране никто не умел читать демотических текстов.

Проблемы эллинистической эпохи особенно привлекали внимание Василия Васильевича в первый период его научной жизни, а вопросы античности интересовали его всегда.

Значительны заслуги В. В. Струве в области изучения хронологии. Мы уже отмечали его труд «Манефон и его время», хронологии Египта первой половины XVIII династии посвящена интересная статья В. В. Струве «К вопросу о Тутмосидах»⁸, научный интерес представляет также исследование В. В. Струве «Датировка I Вавилонской династии»⁹. Последние данные ассириологии подтвердили выводы В. В. Струве по хронологии Двуречья.

Историк, занимающийся общественно-экономическими вопросами, не может не использовать документы, отражающие правовые отношения. В. В. Струве уделяет большое внимание изучению таких источников, как свод законов представителя Старовавилонского царства Хаммурапи, ассирийских и шумерских законов. Известно, что от многотысячелетней истории Египта не дошло свода египетских законов, не считая отдельных фрагментов. В двух своих работах 1925—1926 гг. В. В. Струве доказал, что так называемый большой папирус Гаррис является законодательным актом, манифестом египетского фараона Рамсеса IV, изложенным его сыном.

Характеристике хеттского общества на основе изучения хеттских законов посвящены статьи В. В. Струве «Параграф 34 и 36 хеттского судбника»¹⁰ и «О „гуманности“ хеттских законов»¹¹.

В последнее время В. В. Струве особенно много и плодотворно работал над изучением реформ царя г. Лагаша — Урукагины (XXIV в. до н. э.).

Об интересе Василия Васильевича к исследованию естественнонаучных представлений народов древнего Востока в значительной мере свидетельствует опубликование им исследования о математическом папирусе ГМИИ им. А. С. Пушкина. Развитию наук в различных странах древнего Востока В. В. Струве посвятил еще несколько работ.

Вопросы истории древневосточных религий и библейской критики также всегда интересовали ученого. В 1919—1920 гг. он выпустил две работы, посвященные сложному вопросу о пребывании евреев в Египте и об их исходе из Египта. Как египтолог В. В. Струве не раз касался древнеегипетских религиозных представлений в связи с историей общества. Привлекли внимание В. В. Струве и верования древних персов. Статьи «Надпись Ксеркса о дэвах и религия персов»¹² и «Родина зороастризма»¹⁸ посвящены актуальным вопросам древнеперсидской религии.

⁸ В кн.: «Из далекого и близкого прошлого», сб. этюдов из всеобщей истории в честь 50-летия научной жизни Н. И. Кареева, Пг. — М., 1923, стр. 19—28.

⁹ ВДИ, 1947, № 1, стр. 9—35.

¹⁰ ВДИ, 1937, № 1, стр. 33—38.

¹¹ ВДИ, 1947, № 4, стр. 11—20.

¹² «Известия АН СССР», серия истории и философии, I, 1944, № 3, стр. 128—140.

¹³ В кн.: «Материалы по истории таджиков и Таджикистана», сб. I, Сталинабад, 1945, стр. 3—5.

Великолепный филолог, В. В. Струве использовал знания древневосточных языков не только ради интерпретации текстов, но и для изучения языков, как таковых. Ряд исследований В. В. Струве посвятил сложным проблемам древнеегипетского и шумерского языков. Особый интерес представляет его статья о египетской глагольной форме *sdm.f*¹⁴ и его доклады, привлекавшие внимание лингвистов, о двух основных шумерских глагольных префиксах¹⁵, а также о категории времени в шумерском языке¹⁶. При этом следует иметь в виду, что подавляющее большинство трудов В. В. Струве содержит тонкие лингвистические наблюдения.

Глубокие знания и интерес к вспомогательным дисциплинам — палеографии и эпиграфике — позволили В. В. Струве заняться и такими сложными проблемами, как происхождение алфавита и дешифровка некоторых видов письменности. В книге «Происхождение алфавита»¹⁷ и в статье «Addendum к дешифровке „синайских“ надписей»¹⁸ он установил на основе имевшегося тогда в распоряжении науки материала, что финикийский алфавит через посредство семитических народов Синаяского п-ова ведет свое начало от египетских иероглифов. В статье «Дешифровка протоиндийских письмен»¹⁹ В. В. Струве намечает возможные пути расшифровки древнейших иероглифов жителей Мохенджо-Даро и Хараппы.

Значителен вклад В. В. Струве и в изучение сведений о древних народах, живших на территории СССР. В этой связи особенно любопытны его статьи о восстании Савмака²⁰ и о древнейшей историке СССР из Тавриды, жившем на рубеже IV и III вв. до н. э.²¹ Под руководством В. В. Струве осуществлено издание корпуса письменных памятников на греческом и латинском языках, найденных в Причерноморье.

Многочисленны исследования В. В. Струве о взаимоотношениях Ирана и Средней Азии в древности и об Урарту — древнейшем государстве на территории СССР.

Наконец, большое значение имеют труды В. В. Струве о жизни и деятельности корифеев русской и мировой исторической науки и о развитии советского востоковедения, в частности изучении древнего Востока. Известны, например, статьи В. В. Струве о Б. А. Тураеве, В. С. Голенищеве, П. К. Коковцове, Ж.-Ф. Шампольоне. В этих оригинальных работах прослеживаются основные этапы творчества ученых, воздается должное их заслугам и дается критическая оценка некоторых взглядов, обусловленных уровнем науки и субъективным подходом к ряду проблем.

Неисчерпаемы темы научного творчества В. В. Струве. Следовало бы перечислить статьи об искусстве народов древнего Востока, о вкладе

¹⁴ Стадиальная семантика египетской глагольной формы *sdm.f*, — в кн.: «Академику Н. Я. Марру», XLV (Юбилейный сборник), М.—Л., 1935, стр. 345—351.

¹⁵ Значение двух основных глагольных префиксов в шумерийском языке, — в кн.: «Научная сессия Ленинградского государственного университета 1954—1955. Тезисы докладов по секции востоковедческих наук», стр. 25—26.

¹⁶ Категория времени и замена идеограмм в шумерийском языке и письме, — «Вестник ЛГУ», серия истории, языка и литературы, 1957, вып. 2, № 8, стр. 85—95.

¹⁷ Пг, 1923.

¹⁸ «Еврейская старина», XI. Л., 1924, стр. 341—344.

¹⁹ «Вестник АН СССР», 1947, № 8, стр. 51—58.

²⁰ ВДИ, 1950, № 3, стр. 23—40.

²¹ Древнейший историк СССР, — в кн.: «Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского», М.—Л., 1958, стр. 139—162; Личность автора древнейшего труда по истории СССР, — «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология», М., 1967.

этих народов в сокровищницу мировой культуры, многочисленные статьи в БСЭ, разделы в I томе «Всемирной истории», переводы древневосточных письменных памятников, предисловия к монографиям, учебным пособиям и научно-популярным книгам других авторов, редактуру ряда изданий и многое другое.

Но и этим не исчерпываются заслуги В. В. Струве перед советским востоковедением. Являясь с 1916 г. профессором и с 1920 г. заведующим кафедрой истории древнего Востока Ленинградского университета, В. В. Струве воспитал и подготовил большое число специалистов. Можно смело утверждать, что Василий Васильевич, выступая непосредственным преемником научной школы Б. А. Тураева, не остался просто эпигоном своего гениального учителя, а пошел дальше. Эта честь выпадает на долю далеко не всех ученых. Он создал свою научную школу. Это стало возможным не только потому, что В. В. Струве обладал огромными знаниями, но прежде всего благодаря тому, что он умел выдвигать новые идеи, находить новые подходы к решению научных проблем, увлекать ими людей, подмечать у своих учеников признаки влечения к той или иной области знания, хотя бы это влечение и расходилось с научными интересами самого учителя.

Изучение всех аспектов этой школы — дело будущего. Здесь хотелось привести один небольшой, но, по нашему мнению, важный пример, который свидетельствует о постоянном развитии этой школы, т. е. о ее жизненности. Мы имеем в виду подготовку кадров историков древнего Востока в Ленинградском университете. После смерти Б. А. Тураева в 1920 г. школа которого носила историко-филологический характер, В. В. Струве долгое время придерживался в обучении студентов того же направления. Но в 1952 г. по его просьбе и при поддержке восточного факультета возглавляемая им кафедра была переведена с исторического на восточный факультет. Это знаменовало курс на филологизацию учебного процесса, и общее научное направление кафедры стало иным — филолого-историческим. Разумеется, по-прежнему и в еще большем объеме читались курсы истории, истории материальной культуры, археологии и т. п., но на изучение древневосточных языков стало выделяться даже больше часов, чем у студентов-филологов. Положительные результаты этого своевременного и правильного шага не замедлили сказаться на уровне подготовки студентов. В этой гибкости, умении находить правильные пути — одна из важных особенностей научной школы В. В. Струве. И мы, его ученики, ради движения нашей науки имеем все возможности продолжать и усугублять эту тенденцию.

В. В. Струве смог создать научную школу и благодаря своим личным качествам. Василий Васильевич был примером беззаветного служения науке, примером ученого, которому в мире не было равного по широте охвата истории и языков народов древнего мира, и добрым, славным человеком, в любой момент приходившим на помощь и словом и делом. Его доброта и отзывчивость, необычайная скромность и благожелательность, требовательность к себе и чуткость к другим, любовь к жизни и мягкий юмор вызывали глубокое уважение и любовь к нему всех, кто имел счастье учиться у него, работать под его руководством или просто встречаться с ним.

Василий Васильевич жил по простым и честным человеческим законам. Он всегда старался всем помочь, считая, что все должно работать и приносить пользу на своем участке работы. Это проявлялось и в мужестве, с которым он хлопотал за своих незаконно репрессированных коллег и учеников, и в той принципиальности, с которой Василий Васильевич отстаивал правоту своих научных взглядов.

В. В. Струве, несмотря на характер его научно-педагогической деятельности, нельзя назвать ученым, жизнь которого ограничивалась кабинетом и кафедрой. Многогранна была его общественная деятельность. В 1934—1939 гг. он избирался депутатом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. Горячий патриот своей Родины, В. В. Струве неизменно откликался на все события в нашей стране и за рубежом. В годы Великой Отечественной войны В. В. Струве как директор Института востоковедения АН СССР приложил немало усилий для налаживания деятельности института в условиях блокады Ленинграда. С негодованием клеймил он фашистские расовые «теории». В 1941 г. Василий Васильевич издал брошюру, в которой разоблачил каннибализм гитлеровских захватчиков²². В 1942 г. В. В. Струве вновь обрушился всей силой своего таланта на людоедские теории фашистов, пытавшихся подвести «теоретическую» базу под свои зверства на временно захваченных ими территориях²³. К 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции Василий Васильевич опубликовал статью «Под знаменем Великого Октября»²⁴.

В послевоенные годы он внес значительный вклад в строительство коммунизма и в сохранение мира между народами.

Он вел большую административно-организаторскую работу. В течение ряда лет руководил деятельностью Института этнографии и Института востоковедения АН СССР. До последних дней своих возглавлял отдел древнего Востока Института народов Азии АН СССР и кафедру истории древнего Востока восточного факультета Ленинградского университета, руководил работой Восточной комиссии Географического общества АН СССР, участвовал в работе ученых советов многих научных учреждений Ленинграда.

Нельзя не отметить и деятельность В. В. Струве как редактора. Он не только рецензировал и редактировал множество трудов других ученых, но был одним из основателей журнала «Вестник древней истории», а затем и его главным редактором.

В 1934 г. В. В. Струве была присуждена степень доктора исторических наук. В 1935 г. он был избран действительным членом Академии наук СССР, в 1965 г. — почетным членом Чехословацкого египтологического института Карлова университета в Праге и Института Египта в Каире.

Правительство высоко оценило научно-педагогическую и общественную деятельность акад. В. В. Струве, наградив его орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и медалями.

Мы подошли к концу нашего краткого сообщения о жизни и творчестве Василия Васильевича Струве.

Последние слова Василия Васильевича были: «Как хочется жить и работать». В этом весь Василий Васильевич Струве...

Вспомним слова Шекспира:

«...Предсмертные слова,
Гармонии торжественной подобно,
Должны к себе внимание приковать.
Ведь тот, кто вынужден слова беречь,
Одну лишь истину влагает в речь.
Всю мудрость жизни, знания и опыт
Передаёт он людям в час конца...»

²² В. В. Струве, Фашистский антисемитизм — пережиток каннибализма, М.—Л., 1941.

²³ Е го же, Фашистский антисемитизм, М.—Л., 1942.

²⁴ «Вестник АН СССР», 1947, № 11, стр. 113 и сл.